

Ци Чжао на мгновение замолчал, а затем улыбнулся:

— Наверное, среди всех девушек только у твоего брата такой скверный характер, вот мы и дополняем друг друга.

Сяо Фан, чье внимание всегда было приковано к Ци Чжао, если тот находился поблизости, отчетливо заметил эту секундную заминку. Он насмешливо хмыкнул:

— Это потому, что у другого человека поклонники выстраивались в очередь от первого до двадцатого класса, охватывая всю параллель.

— Неужели их было так много? Я думала, это просто шутки. Как же должен выглядеть человек, который нравится девушкам даже больше, чем брат Ци Чжао? — Сяо Ин была искренне заинтригована. Она смотрела на Ци Чжао, ведущего машину. Сегодня на нем была белая рубашка с коротким рукавом и темно-синий галстук, рукава были слегка закатаны, а руки, лежащие на руле, выглядели изящными и красивыми. Он и в самом деле был хорош собой: правильные черты лица, спокойный взгляд. Но что еще важнее, в нем чувствовалась некая строгость и сдержанность, благодаря которой он даже в толпе сразу приковывал к себе взгляды.

Глядя на белую рубашку, Сяо Ин невольно вспомнила о другом человеке. Ци Муцин тоже всегда носил белые рубашки, но от него веяло холодом, словно он был отрешен от мира. Возможно, из-за юного возраста его холодность казалась более чистой, но, когда он смотрел на того мужчину, его улыбка становилась такой теплой, словно это был совершенно другой человек. Оба обладали внешностью выше среднего, но производили совершенно разное впечатление.

Сяо Фан лишь усмехнулся, скрестив руки на груди, и, не отвечая на вопрос сестры, с улыбкой посмотрел на Ци Чжао.

Ци Чжао плавно повернул руль и поднял глаза. В зеркале заднего вида он увидел, что Сяо Фан пристально смотрит на него.

— Это не шутка, хотя доля преувеличения была. В нашей Седьмой средней школе успеваемость была ниже, чем в вашей Первой, поэтому там было больше ребят, которые не были целиком сосредоточены на учебе. С первого по десятый классы были профильными, а с одиннадцатого по двадцатый — обычными.

— Значит, брат Ци Чжао, ты хорошо учился, и тебе симпатизировали прилежные девушки из профильных классов, а тот парень нравился всем без разбора — и отличникам, и отстающим? Что ж, мне стало еще любопытнее, — Сяо Ин не дала Ци Чжао закончить, сразу уловив суть. Хотя она понимала, что без преувеличений не обошлось, этого было достаточно, чтобы понять: тот ученик был действительно выдающимся.

В их школе учились только лучшие из лучших, и в старших классах у ребят едва хватало времени на учебу — где уж там было заглядываться на то, кто из мальчишек красив.

— Чему тут удивляться? И вообще, какой у тебя вкус? — Сяо Фан фыркнул. — Тот человек сидел прямо напротив тебя, а ты даже не удостоила его взглядом.

Встретив старого знакомого, Сяо Фан испытал горькое разочарование. Казалось, бывшее сияние Сун Цзыюя померкло: он осел в каком-то захолустном уезде, связался с алчным парнем, да и сам стал куда приземленнее, словно жизнь стерла все его острые углы. Как такой Сун Цзыюй мог привлечь Ци Чжао? И все же, услышав, как Ци Чжао говорит о нем, Сяо Фан почувствовал укол ревности.

Неизвестно, правильно ли он поступил, не дав им встретиться, но для них троих было бы лучше, если бы между ними было меньше запутанных связей.

— Послушай, брат, ты что, ревнуешь? — Сяо Ин отлично знала своего брата. Он и Ци Чжао учились в одной школе, и раз уж он смог завести роман с Ци Чжао, который был старше его на год, то не мог не знать легендарную личность их школы.

— Люди меняются, ореол славы тускнеет. Для меня он просто прохожий, — человек, который сбежал, потерпев поражение. Сяо Фан улыбнулся своей наивной сестре. После этой встречи тревога в его сердце заметно утихла. Раз уж Сун Цзыюй уехал так далеко и окончательно вышел из их треугольника, значит, он должен был быть вычеркнут из игры. А уж теперь, когда он стал таким жалким и к тому же калекой, о нем и говорить не стоило.

Он не хотел, чтобы они встретились, потому что знал Ци Чжао: тот был человеком чести и не смог бы остаться в стороне, увидев, что старый знакомый попал в беду. А возвращаться к дням их троякого общения Сяо Фан не желал.

— Ладно, скоро будем дома. Вы сегодня устали, отдохните немного. Перекусим чем-нибудь дома, а завтра я свожу вас куда-нибудь получше, — Ци Чжао прервал их разговор. Он молча вел машину, глядя на дорогу. Он знал, что этот человек — больное место для Сяо Фана, но ему не нравилось, что Сяо Фан говорит о нем с такой издевкой. Да и самому было интересно, как тот теперь поживает.

— Это и есть твой дом? — Ци Муцин нес Сун Цзыюя на спине. Они сменили несколько автобусов и только к сумеркам остановились перед старым жилым домом.

— Поднимайся, третий этаж, — отозвался Сун Цзыюй, глядя на обветшалое здание. Голос его звучал отстраненно.

В прошлой жизни он лишился даже этой квартиры: человек, который сейчас так эмоционально рассуждал, присвоил себе его компенсацию за снос. Сун Цзыюй поджал губы, глядя на спину юноши, который уверенно шагал под его весом. Его главной ошибкой тогда было погрузиться в собственные страдания и отгородиться от мира, позволив другим вертеть собой. Ноги болели,

он был прикован к постели и только и делал, что терзал себя мыслями. Лишь в последние годы приходил Ци Чжао, купил ему инвалидное кресло, но к тому времени он уже потерял всякий интерес к жизни.

В этой же жизни спина этого человека стала для него самым привычным местом, откуда он мог наблюдать за миром. Он носил его в больницу, в парк, на прогулки, за продуктами, позволяя передвигаться без преград, и в итоге — спустя тысячи километров — вернул из глухого уезда в этот родной город.

За последние полгода Ци Муцин часто носил Сун Цзыюя. Поначалу это давалось ему с трудом, но потом он привык. Сейчас третий этаж был для него сущим пустяком. Забрав у Сун Цзыюя ключи, он открыл дверь и вошел, с любопытством оглядываясь.

В прихожей Сун Цзыюй нащупал выключатель и зажег свет. В квартире, где никто не жил несколько лет, пахло сыростью. Он похлопал Ци Муцина по плечу и, опираясь на стену, встал на ноги:

— Открой окна и шторы, нужно проветрить.

Планировка квартиры была немногим лучше их жилья в уезде, зато имелись отдельный туалет и кухня. Мебель была старой, с облупившейся краской, но зато все было на месте.

Они купили еды, привели все в порядок и переночевали. На следующий день Ци Муцин докупил необходимые вещи и как следует убрался. На это ушла большая часть его сбережений.

К счастью, Сун Цзыюй хорошо знал город. Под его руководством, и поскольку в больнице не дали четких указаний, кроме совета беречь здоровье, Ци Муцин вернулся к прежнему ремеслу — продаже картин.

Теперь Ци Муцин был уже не тем, что прежде: опираясь на опыт и мастерство, он быстро закрепился на новом месте.

В тот день, закончив картину, Ци Муцин сделал глоток воды и сел отдохнуть в тени дерева. Парк здесь был намного больше того, что был в уезде, поэтому людей было много, и дела у него шли лучше — денег он зарабатывал больше, что позволило ему наконец выдохнуть.

Он сидел и размышлял: хотя в больнице сказали лишь о реабилитации, результаты были неутешительными. Сун Цзыюй, казалось, знал об этом больше и не питал особых иллюзий. К тому же, вернувшись сюда, он стал каким-то скрытным, хотя и сохранил свою неспешную манеру поведения.

— Здравствуйте, я хотела бы заказать картину, — прервала его мысли женщина средних лет в черном пальто и очках.

— Пожалуйста, садитесь. У вас есть какие-то особые пожелания? — Ци Муцин кивнул, поставил стакан на землю и перевернул страницу в блокноте.

— Я слышала, вы можете нарисовать портрет человека, не глядя на него? — женщина спросила с сомнением, но в глазах теплилась надежда. Она пристально смотрела на Ци Муцина, сжимая руки.

— Конечно. Расскажите мне о нем, — Ци Муцин, поняв по ее тону и выражению лица, в чем дело, достал из сумки блокнот, положил его на колени и приготовился записывать.

Он уже понял, что люди предпочитают фотографии, но для многих фото — это дорого, а ушедшие близкие не всегда оставляли снимки. Поэтому многие приходили к нему, чтобы заказать портрет по описанию. Даже в таком большом городе, как административный центр, таких случаев было немало.

— Я хочу нарисовать внука. Ему пять лет, пухленький, голова круглая, глаза большие, и одного переднего зуба нет... — женщина, очевидно, навела справки о Ци Муцине и, увидев, что он готов, начала детально описывать ребенка.

Заметив, что у нее покраснели глаза, а речь шла о маленьком ребенке, Ци Муцин понял, что, возможно, произошла трагедия. Он замедлил движение ручки, а затем снова ускорился:

— Расскажите еще что-нибудь. Что он любил, во что был одет, любые мелочи, которые вы считаете важными или которые вам особенно запомнились.

Увидев, что женщина замолчала и смотрит на него, Ци Муцин ободряюще улыбнулся.

— Наш Бао-эр был привередлив в еде, мне приходилось бегать за ним с ложкой. Но характер у него был очень послушный, он часто сидел тихонько в сторонке. Еще он любил рисовать, мог просидеть за этим целый день. Когда он смотрел на меня и сладко звал бабушкой, мое сердце таяло... — женщина начала рассказывать о повседневной жизни внука, и уголки ее губ невольно поползли вверх.

Ци Муцин не перебивал ее, давая погрузиться в воспоминания, и быстро структурировал информацию, записывая самое важное.

— Но год назад его похитили... Это все моя вина. Если бы я не повела его гулять после обеда, если бы не отошла в туалет на минутку... — на этом месте слезы хлынули у женщины из глаз, она закрыла лицо руками и зарыдала.

— Тетя Чжан, что с вами? Не плачьте, — Ци Муцин заметил двух полицейских. Одна из них, женщина, поддерживала ее под руку и похлопывала по спине, а другой, мужчина, с сочувствием смотрел на происходящее. Заметив взгляд Ци Муцина, он лишь тяжело вздохнул.

На самом деле все они знали: если ребенок пропал, найти его, если не повезет, почти невозможно.

— Тетя Чжан, давайте продолжим. Во что был одет ребенок в тот день? — Ци Муцин, не в силах смотреть на ее страдания, мягко прервал рыдания.

Женщина подняла голову, вытерла слезы и ответила с отсутствующим видом:

— В тот день...

Молодая женщина-полицейский хотела остановить Ци Муцина, но ее остановил старый полицейский, который с задумчивым видом наблюдал за художником.

На этот раз Ци Муцин работал особенно тщательно. Он испортил более двадцати листов, прежде чем закончил. На это ушел весь день. Толпа зевак сменялась раз за разом, но старый полицейский почему-то не уходил и все время оставался рядом.

Когда женщина увидела на рисунке своего внука — живого, в красном наряде, похожего на куклу из новогодних открыток, с маленьким хвостиком на голове — она зарыдала в голос.

Ци Муцин повидал немало таких сцен, но такой искренней боли еще не встречал. Потеря внука стала для нее страшным ударом.

— Тетя, что случилось? — Чжан Цинбо долго искал свою тетю на Жэньминьлу. Он беспокоился, ведь она была уже немолода, а год назад, когда пропал племянник, вся семья втайне винила ее. К тому же сама тетя была сама не своя, словно лишилась души.

Возвращаясь, он увидел у парка толпу и услышал душераздирающий плач. Он бросился туда, растолкал людей и действительно увидел тетю.

— Тетя, пойдем домой, не плачьте, — Чжан Цинбо обнял ее за плечи, пытаясь поднять, но та, словно обезумев, крепко прижимала к себе лист бумаги, тяжело дыша.

Чжан Цинбо никак не мог ее поднять. Он повернулся к окружающим:

— Расходитесь, нечего смотреть.

Люди, которые до этого просто наблюдали, проклиная похитителей детей, начали расходиться, решив про себя, что нужно внимательнее следить за своими детьми.

Старый полицейский присел рядом:

— Тетя, не плачьте, наберитесь сил. Вам ведь еще нужно найти Бао-эра?

— Тетя, тетя! Дядя Ло, хватит, — Чжан Цинбо не согласился с полицейским. Племянника нужно было найти, но прошел уже год, и эти бесплодные поиски измотали тетю, лишив ее былой стойкости. Особенно ее грызли упреки родственников. Чжан Цинбо вздохнул: двоюродный брат с женой тоже искали ребенка по всей стране.

— Да, мне нужно найти Бао-эра... найти его... — она подняла голову, достала рисунок и начала нежно поглаживать его. Взгляд ее прояснился, а в голосе появилась решимость.

Чжан Цинбо заметил рисунок и был поражен: на нем был его племянник. Серьезное личико, похожее на старичка, в красном наряде — выглядело это немного комично.

Он заметил юношу, тихо сидевшего рядом. Это был старый знакомый, одетый в то же самое, что и при первой встрече. Тот же мольберт, на котором он сам когда-то учился рисовать. Он кивнул Ци Муцину, признавая его талант.

В другое время он бы подшутил над ним, но сейчас было не до того. Он помог тете подняться, бросил взгляд на обратную сторону мольберта, где все еще была видна цена, которую он сам когда-то написал, и, протянув двадцать юаней, вместе с тетей поблагодарил художника.

Ци Муцин смотрел им вслед. Похитители детей — настоящие нелюди, разрушающие семьи. Интересно, что стало с тем пухлым малышом?

А того парня он узнал. Когда-то тот отдал ему инструменты для рисования в обмен на рыбу, а теперь он с помощью этих же инструментов помог его тете.

— Почему вы еще не ушли? Я собираюсь закрываться, — Ци Муцин заметил, что старый полицейский все еще стоит рядом, и тихо спросил его.

— Я хочу с вами поговорить, — полицейский сел напротив Ци Муцина с доброй улыбкой.

Ци Муцин невольно выпрямился, положил руки на колени, его лицо стало серьезным, а в глазах, устремленных на полицейского, словно вспыхнул огонек.

Сун Цзыюй сидел за столом и открыл посылку. Внутри лежал красный лакированный деревянный ящик. Открыв его, он увидел трехсотлетний корень женьшеня. В прошлой жизни он немного разбирался в травах — это была ценная вещь.

В прошлой жизни он слышал, что в области был один старый врач традиционной китайской медицины, который творил чудеса и даже вылечил парализованного человека. Об этом писали в газетах, но к тому времени ноги Сун Цзыюя были уже ампутированы. Эту новость ему притворно сочувствующим тоном зачитал Ци Муцин. Сун Цзыюй тогда долго мучился,

тронутый заботой Ци Муцина.

Кто бы мог подумать, что он был самым большим дураком на свете. Сун Цзыюй с грохотом захлопнул ящик — звук эхом отозвался в тихой комнате. Его пальцы, вцепившиеся в крышку, побелели.

Поэтому, приехав в административный центр, Сун Цзыюй не возлагал надежд на больницу. И хотя там не предложили лечения, его это не волновало — его целью был тот старый врач.

Ци Муцин же, вернувшись из больницы в первый раз, всю ночь ворочался с боку на бок.

Воспоминания о прошлой и нынешней жизни переплетались. Ци Муцин, которого он когда-то так хорошо знал, все больше проникал в его жизнь. Иногда ему казалось, что он забывает о его былой черствости. Но в последнее время, вернувшись в город, он постоянно вспоминал прошлое, ту одинокую и угрюмую жизнь. Он не понимал, почему теперь так четко разделяет обиды с Ци Муцином в обеих жизнях, хотя человек был один и тот же.

Сун Цзыюй медленно разжал пальцы и коснулся своей правой ноги, в которой не чувствовал ничего. Некоторые вещи, раз случившись, требовали своей платы.

Он не замечал, что в последнее время постоянно твердит себе это. Только тот, кто сомневается, будет постоянно пытаться себя убедить.

У двери послышался шум. Сун Цзыюй поджал губы и потер виски.

Когда Ци Муцин подошел к двери, его сердце все еще бешено колотилось от необъяснимого волнения — такого чувства он не испытывал даже тогда, когда стал учителем.

Он вошел, положил вещи. Сун Цзыюй сидел за маленьким столиком на балконе, у его ног валялась упаковка от посылки. Ци Муцин сразу заметил ящик.

— Посылка пришла так быстро? — он подбежал к Сун Цзыюю и с любопытством уставился на красный ящик. Перед отъездом из уезда он помогал Сун Цзыюю отправить письмо — знал, что тот заказал женьшень у знакомого. Других посылок у них не было.

— Можно посмотреть? — Ци Муцин осторожно взглянул на Сун Цзыюя. Тот не ответил, видимо, был не в духе. Его можно было понять: они надеялись на лучшее, а в больнице ничего не вышло. Он протянул руку к ящику, и, увидев, что тот не возражает, открыл крышку.

— Это и есть женьшень? Какой-то сухой и тощий, — разочарованно протянул Ци Муцин, глядя на корень, который был тоньше корня имбиря.

— А ты чего ожидал? Сказку про человечка-жених, белого и пухлого? — Сун Цзыюй бросил на него холодный взгляд.

— Может, это правда? Я слышал об этом от прадедушки.

<http://bllate.org/book/21591/2225496>